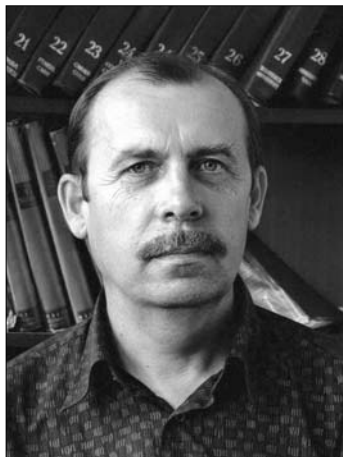

ДМИТРИЙ ВОРОНИН

НА БЕРЛИН!

РАССКАЗ

1

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами — всё это двигалось с ужасающим рёвом, лязгом и грохотом, отчего мальчикам заложило уши, и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звёздами на крыльях.

— Андрейка, глянь, глянь, танка какая! — в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. — Ух, силища, ну и силища, скажи, Андрейка!

— Ага, силища! — орал в ответ Андрейка.

— И куда их стоко, а?

— Туда, — кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

— Спросить бы, а?

— Спроси.

ВОРОНИН Дмитрий Павлович родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор трёх книг прозы. Лауреат премии им. А. И. Куприна. Лауреат издания "День литературы" (Москва). Публикации в журналах "Нева", "Наш современник", "Молодая гвардия", "Север", "Подъём", "Сибирь", "Дон", "Простор", "Огни Кузбасса", "Сура" и многих других. Участник 50 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в посёлке Тишино Калининградской области.

— Не, я боюсь, ты храбрее меня будешь.

— Ладно, — важно согласился Андрейка и, поднявшись с травы, закричал во всё горло в сторону проходящей колонны: — Дядьки, вы куда это шлёпаете, так много вас?

— На Берлин шлёпаем, мужики, на Берлин! — засмеялись в колонне. — Супостата Гитлера идём ловить, что вам и не снился. Вот поймаем чудище да к вам привезём в клетке, покажем, и другой зоопарк вместе с ним прихватим.

— А и не страшно вам?

— Не, мужики, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

— Где драпает, где сверкают? — заозирались по сторонам мальчишки. — Далек впереди, не видать уж отсюда, — вновь раздался взрыв хохота.

— А далеко ли до Берлина этого ещё шлёпать?

— Кому как, вам далеко, а нам уже близко, — прозвучало в отдалении.

— На Берлин они идут, слышал? — обернулся Андрейка к другу. — За чудищем Гитлером.

— Слышал, — кивнул Вовка, — на Берлин, за Гитлером.

2

Колхозный “газик” остановился у ворот председателя дома.

— Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, — обратился к шофёру председатель колхоза, вылезая из машины.

— Буду, как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да ещё с запасом. Вы ж меня знаете.

— Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошёл к калитке и в задумчивости остановился. Посто-яв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет “Друг” и закурил.

— Что домой не спешишь, Андрей? Всё в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении, — прозвучал из темноты насмешливый голос.

— Вовка, ты? — повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. — Подойди сюда, дело есть.

— Ну, что там за дело может быть у председателя к простому колхознику? — ощерился Вовка, подойдя к другу детства. — Не было ничего, а тут дело. Прямо заинтриговал.

— Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не даёт. Вот хочу посоветоваться, — сделал последнюю затяжку Андрей Степанович и притоптал окурок.

— Несколько лет, говоришь? Это серьёзно, видать. Давай, выкладывай, что там тебя гложет столько времени, — присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

— Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и всё высчитывали, сколько её мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счёта нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

— Помню, как не помнить, — улыбнулся Вовка. — Такое не забудешь, силища какая!

— Ну, и я про то.

— Про танки?

— Про память.

— А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? — покосился на друга Вовка.

— Я нет, а вот другие... — вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

— И мне дай, — протянул руку за куревом Вовка. — Так что другие? Другие вроде тоже не забывают.

— Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышлёными мальцами были.

— Ну, так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, — пожал плечами Вовка.

— Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

— Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

— А вот к чему, — положил руку на плечо друга Андрей Степанович. — Ты же знаешь, что у нас в Ермаково памятника героям войны нет и не предвидится. Боёв тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А у нас нет. И если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё, да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам, и прочее разное. А памятник — дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам — тем более.

— Ну и что ты предлагаешь? — Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

— А что, если самим поставить, без всяких там скульпторов и разрешений?

— Как? Где? — оживился Вовка.

— Где? А там, на нашем перекрёстке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженный образовался, вот на том месте и поставим.

— Так денег же нет, сам говорил.

— А денег и не надо, так если, на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже скорее памятный знак, что-то в виде обелиска. Из кирпича сложим высотой метра на три, оштукатурим, побелим, посреди копию ордена Отечественной войны прикрепим и надпись напишем, придумать вот только надо.

— Да что тут придумывать, — от волнения Вовка даже привстал. — “На Берлин”! И всё понятно, ясно всё.

— Точно, Вовка, “На Берлин!”

— А кто орден сделает?

— Петьке-кузнецу накажем, он мастер классный, откуёт, что настоящий, а может, и получше даже.

— Андрей, а ты не боишься?

— Кого?

— Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

— Могут, — согласился Андрей Степанович, — но мы им об этом и не скажем. Сами всё за день-два сделаем, не велика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

— Ну, доброты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

— А и пусть, главное — поставить, а там пусть доносят, — улыбнулся Андрей Степанович.

— Здорово, Андрюха, правильная затея!

— Да, Вовка, правильная. И подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам — где голову склонить.

На школьной линейке, посвящённой вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон:

— Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятисотдневного голодного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не сохраняете. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

— Виктория Альбертовна, Берлин — немецкий город, столица Германии, его брали, а не освобождали, — раздался голос из кучки девятиклассников.

— Киреев, самый умный что ли? — тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. — После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил старших перебивать и срывать важные мероприятия.

— Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого субчика, — отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. — Все нервы мои измотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не даёт сказать. Ну, куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

— Что опять, Киреев? — упёрлась тяжёлым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

— А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, а его не освободили, а взяли штурмом на....

— Молчать! — побагровев, рявкнула директорша. — Мал ещё, сопляк, старшим указывать, чего там взяли, чего освободили. Сначала дорости до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

— Вот видите, — негодуяще встряла завуч, — как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьёй командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионериска простой, пшик, да и только. Ан нет, гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты налицо.

— Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пообломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чуцело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учёт ставят.

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра не далеко, вонь с комплекса до чиновников не дойдёт. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведён, электро мощности в достатке, местная рабсила по дешёвке. Ну и главное — дороги есть. Всё хорошо, всё ладно. Только один недостаток — перекрёсток. Вернее, не сам перекрёсток, а странный знак по его центру с прикреплённым орденом Отечественной войны и надписью “На Берлин!”. Уж больно этот знак движению мешал, большегрузные самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несурзным памятником ещё как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе неразрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

— Аркадьич, а с этим что делать будем? — кивнул в сторону памятника хозяин свиного комплекса, обращаясь к главе района. — Мешается тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

— Да ломай его к чёртовой матери, и дело с концом! — отмахнулся Баталов. — Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

— А народ возбужать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем — открытие через неделю. Уже всё крутится — заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой — колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

— Ломай, я сказал, — уверенно повторил Баталов, — народ — моя забота. Успокоим, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой об стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошёл, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

— Уважуха, Аркадьич, — пожал бизнесмен руку Баталова, — мы с тобой сработаемся, я сразу это просёк, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

— Только снесите ночью, чтоб утром и следа не было.

— Замётано, — улыбнулся хозяин свиней, — нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

5

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган ворвался в дом правнук Андрюшка. — Там такое, такое!

— Ну, что там ещё такое? — прокряхтел старик, доставая из буфета банку с вареньем. — Война, что ли?

— Хуже! — перевёл дыхание Андрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика куда-то нырнуло, и всё тело моментально покрылось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник — “На Берлин!”. На перекрёстке...

Осколки от банки разлетелись по всей кухне, а варенье обрызгало буфет, штаны старика и растеклось по полу.

6

Собравшиеся у перекрёстка сельчане громко негодовали и наседали со всех сторон на главу района.

— Ну, как же так, Валентин Аркадьевич, что же это такое происходит? Они же наш памятник снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь, — выставял ладошки навстречу возмущённой толпе стриженный под ёжик, небольшого росточка, щекастый начальник. — Всё под контролем, ничего страшного не произошло. Всё в нормальном процессе.

— В каком ещё процессе? Под каким контролем? Как это “ничего страшного”? Да вы соображаете, что говорите?! Они памятник наш снесли, а вы — ничего страшного! И снесли-то как! Ночью, тайком, будто воры.

— Ну, это вы уже палку-то совсем перегнули. Какие ещё воры? Всё по плану. Работы идут в авральном режиме, сами знаете, открытие через несколько дней. Губернатор приедет, гостей из Москвы ждём, обещает министр сельского хозяйства прилететь, а тут такое.

— Что — такое?

— Ну, памятник этот ваш. Он же дорогу напрочь блокирует, ни одна фура не пройдёт.

— А сейчас пройдёт? А на-ка, выкуси! — перед носом Баталова появилось сразу несколько фиг. — Мы сейчас дорогу и вовсе перегордим, ляжем тут, и чёрта с два вы нас отсюда отколупаете. Ну, если только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну, чего вы ерепенитесь! Вам же как лучше делают. Работы у вас не было, теперь будет. Свет по посёлку проведут, магазины открывают, у школы стадион обновят, детскую площадку...

— Чего ты нам тут заливаешь про радости жизни, не врубаешься совсем, они ж памятник завалили! Всё, бастуем, мужики!

— Ну, вот что, граждане, — перешёл на крик и Баталов, — хватит уже! Что вы тут угрозы строите, на неприятности нарывааетесь! Вон, видите, там автобус в стороне с тонированными стёклами стоит. Росгвардии с дубцами вам не хватает? Сейчас устроим. Сказано вам — порешаем проблему, нечего тут митинги устраивать, людей будоражить.

Ермаковцы, прослышав о Росгвардии, чуть поутихли и с опаской стали оглядываться на пятнистый автобус, одиноко стоявший на обочине. Почувствовав перемену настроения митингующих, Баталов уже уверенным голосом продолжил:

— И памятник ваш никуда не денется. Вернём вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

— Когда поставите? — Толпа успокоилась.

— В течение месяца, обещаю.

7

На открытие свинокомплекса с утра съехалось всё районное начальство, к обеду через перекрёсток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского хозяйства.

— Да, круто, — дивились такому количеству гостей сельские мужики, — при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

— Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

— А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

— А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по-семейному.

— Это как? — уставились на Андрея Степановича сыновья и внуки.

— Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезём кирпич, я со своей пенсии отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и побыстрому поставим. Место там бесплодное, никто нас за работой не увидит. Справимся.

— Что, прямо среди перекрёстка на дороге и поставим?

— Именно так, прямо посреди перекрёстка, как раньше стоял.

— Так снесут же утром.

— Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

— Эх, дед, — тихо вздохнул кто-то из внуков.

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонированной площадке, которая делала перекрёсток совершенно непроезжим. На самом памятнике, как и раньше, чёрной краской было жирно написано: “На Берлин!!!” — и добавлено: “Победа будет за нами!” Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял щуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстёгнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения прежних времён.

8

В обед в сельпо бабы судачили полущёпотом:

— Слыхали, деда-то, Андрея Степановича, утром у перекрёстка полицейские скрутили, и Андрюшку малого вместе с ним, в воронок закинули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так ему дубинкой по спине.

Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так болтают. А у Андрея Степаньча ещё и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Дружки Андриюшкины потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоём памятник заново поставили!

— И чего теперь с ими будет?

— Ну чего-чего? Ничего. Подержат для острастки денёк-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош, хоть и орал глава района на них во всё горло, когда к перекрёстку приехал на своём “джипе”, что посадит обоих за экстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но скорее пугал от злости, что памятник, не спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он ещё застыть-то как следует не успел.

9

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

— Ну что, Юлечка, плохи твои дела, — раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, — фигово ты там у себя молодёжь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое “пятая колонна”, ведают и всячески способствуют её существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провёл экономическую диверсию в районе, так ещё при всём честном народе Валентина Аркадьевича фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

— Татьяна Михайловна, — срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, — я-то тут при чём? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях...

— Мать, не мать, а ответ тебе держать, — перебила директора начальница. — Развели у нас под носом Болотную площадь, ну, так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

— Сегодня? — побледнела директриса.

В ответ последовали короткие гудки.

10

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

— А тебе, Татьяна, особое задание. Проконтролируй лично завтра Ермаковскую администрацию и про школу не забудь. Посмотри там, как они на “Бессмертный полк” выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб всё по-честному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле — сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа. Какое-то осиное гнездо, надо с ним кончать и не нянькаться.

— Валентин Аркадьевич, ну, почему во всенародный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзьями, коллегами и соратниками! За что мне такое наказание? Это несправедливо.

— Татьяна, не переживай, сгоняешь в Ермаково на полчаса, посмотришь, посчитаешь — и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю, дождемся, — улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замкам. — Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдём, так сказать, *по главной улице с оркестром*, почтим память своих предков. Память — это главное. Без памяти нет будущего.

В ночь на Девятое мая на дороге, убегавшей от ермаковского перекрёстка прямо на восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: “На Москву!”

Дед Андрей сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

— Андрейка, Андрейка, — тербил дедову штанину его закадычный друг Вовка, — куда-то они?

— Туда, — тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

— А ты спроси их, спроси, интересно ж, кого воевать идут?

— Сынки, — с большим трудом поднялся с земли дед Андрей, — куда путь держите?

— На восток идём, отец, на восток.

— Почему на восток?

— Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повьлазили из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

— С Богом, сынки, с Богом! — перекрестил воинов Андрей Степанович. — Возвращайтесь с победой!

— Спасибо, отец! Не впервой. Вернёмся!